Цена 15 коп.

Евг. Венский

ИЛЛЮСТРАЦИИ Б. АНТОНОВСКОГО

ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА

№ СМЕХАЧ 27

Издательство ЦК ЖД „ГУДОК“

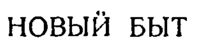
ЕВГЕНИЙ ВЕНСКИЙ

РАССКАЗЫ

ИЛЛЮСТРАЦИИ Б. АНТОНОВСКОГО

ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА „СМЕХАЧ“

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФИЯ
ИМЕНИ тов. ЗИНОВЬЕВА.
Изд-ства «Ленинградская Правда».
Ленинград, Социалистическая, 14.
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГУБЛИТ № 25329.
Печ. 30.000 экз.—4 л. Зак. № 5107.
1926

НОВЫЙ БЫТ

НОВЫЙ БЫТ

I

Интродукция

Были речи злы и колки, автогенно пылок спор. Грызлись крепко, словно волки, и пыхтели, что мотор. Раскалились до предела... Псой Лукич гремел, как гром. Теща коброю шипела, «баба» выла осетром... Подвывал новорожденный, выли кот и фоксик Дик. Целый дом, с ума сведенный, был свиреп, жесток и дик...

Псой Лукич, стуча ладонью, декларировал, бася:

Баста! Кончить антимонью! Я решил,—и сказка—вся! Будет назван сын по моде, сообразно нашим дням, и назвать в духовном роде, хоть подохну,—а не дам!..

— Изверг!.. Турок!.. Зверь!.. Отступник!— ныла теща в спазмах мук.

— Басурманец!.. Зверь!.. Преступник!..— выла «баба» с ломом рук.—Пес!.. Язычник!.. Запияли!..

— Продал бога и христа!..

— Цыц!.. Молчать!.. Чего пристали в роде банного листа!

Дик сердился, кот мяукал, выли теща и жена, Псой Лукич десницей стукал, имитируя слона...

II

Первый акт драмы

За столом, среди гостиной, развалился, точно граф, весь покрытый паутиной, Нестор Фавстович замзав. Слева сел, тяжелой глыбой делопут Евул Космич; справа схож с акулой рыбой, помзамзав Еразм Фокич. Домна Провна, Марфа Псовна, вриднachканц тов. Сыч, акушерка Сара Львовна, и завхоз. Сысой Ильич; и игуменья Манефа (змий плюс голубь—баба жох), на крестинах в сане шефа, села в круге выпивох.

Тары, бары, растабары, пыл речей, и жестов жар, кулебяки, самовары, водка, пиво, пот и пар... Всяк политик, всяк филосов; закусили удила, разобрали тьму вопросов, все текущие дела. Педойдя-ж вплотную к сути о названии юнца, — закрутились в дикой смуте без начал и без конца.

— Как отец и на платформе, то желаю, чтобы он по советской полной форме был по моде наречен. Я служу-с, — мой чин не важен, — значит, надо потрафлять: оным верность мы докажем и лойяльность, так сказать... Нужно-с имя-с, и такое, чтобы всем шибало в нос!

И мгновенно громче втрое отовсюду понеслось:

— Предлагаю «Красным Кимом»!..

— Звать «Спартаком»!..

— «Врид»!..

— «Доклад»!..

— «Елевсиппом»!..

— «Серафимом»!..

— Назовем его «Марат»!..

— Звать «Рабкором»!..

— От рабкори все и так кругом больны...

— «Пленум»!..

— Ставка в Госсоре!..

— «Зав»!..

— «Замзав»!..

— «Цветок страны»!..

— «Калькуляцией»!..

— «Налогом»!..

— Извините, я же мать: мне придется перед богом за «налоги» отвечать...

— Ничего,—отныне вздором признается оный бог!

— Так «Барбосом» иль «Трезором» сделай сына, чтоб ты сдох!..

Шип, истерика, рыданье, звон стаканов, тьма имен, плач невинного созданья и «очковой тещи» стон...

III

Красные октябрины

Вдоль по улице Марата, мостовою, как сандвич, горделиво, франтовато выступает

Псой Лукич, в сюртуке, и с красным бантом, и портфелем, и зонтом, на фуражке с красным кантом, и с солидным животом.

Сзади Псоя «половина»,—с горем в розовых очах,—в Загс несет бедняжку сына на трепещущих руках...

Дальше теща... В теще—муки. Из-под губ блистает клык. В глазках пламя, в спазмах—руки, в горле клокот, в глотке рык...

Следом—нянька с «годовалым», Домна с кухни, Домнин сват, путч собак, бегущих валом, стая нищих и ребят...

Псой Лукич идет от Загс'а. Что ни шаг, триумф и блеф.

— Псой Лукич, как назван плакса?

— Кто у сына крестный шеф?

— Да неужто-ж не крестили?!..

— Новый быт,—так «сам суди»!..

— Ежель имя в новом стиле,—сокращения не жди!..

Псой Лукич с фасоном постным сокращает баса прыть:

— Сам-с директор шефом крестным у меня изволит быть. Сам-с и имя выбрал сыну, сам-с его изобретал, намекнул: де—не премину посетить крестинный бал...

Что ни шаг,—привет и шпилька, зависть, злоба, смех и спич...

— Вот те—«дурень»! Вот те—«филька»! Браво!.. Браво, Псой Лукич!

— С этим самым новым бытом в гору двинет, с... с...

— Кто и что ни говори там,—доберется до вершин!..

Псой Лукич сияет солнцем...
— Как зовут?.. Гудит народ.
— А зовут его «Червонцем»!!!
— Верррно!.. Пусть его растет!..

IV

Махинации

У игуменьи Манефы незавидный аппетит: с'ест штуфаты, супы, бефы, отдохнет и покряхтит, чаю меньше самовара испила на этот раз, покряхтела, как мажара, и делами занялась.

С запеленутым «Червошкой» вышла тайно через сад и скользнула ловкой кошкой к храму Спаса в аккурат.

Тихий шопот... Тихий шорох...

— Червячка-то, хорошо-б...

С благочестием во взорах начал службу старый поп. Дьяк и сторож честно пели, мать Манефа пела то-ж, а «Червошка» из купели поднял форменный дебош...

То ли был он старым бытом недоволен и пищал, то-ль родился басовитым и октаву углублял, то-ли просто без привычки выл и ныл на голоса,—факт на бочке: от водички совершились чудеса.

Пусть дивятся все и всякий:

Из «Червошки» в пять минут вышел правильный Акакий...

...Тут и повести капут!..

V

«Увы и Ах!..»—сказал Сирах...

Но пред тем, как ставить точку, след прибавить десять строк, чтобы выложить на бочку заключение я мог.

Жизнь блудлива, точно кошка, и насмешливей... меня... Впрочем, рос да рос «Червошка», так сказать, по курсу дня. Псой Лукич, его папаша, где-то, что-то, как-то «взял» и, когда вскипела каша, гепеукая, взывал:

— Как-же так, друзья, просите? Я с ума и с толку сбит! Я воспитан в старом быте, но стоял за новый быт... Видит бог, я предан жарко!.. Я клянусь!..

Но... (жуткий быт!) Псой упал, как франк иль марка, на неведомый гранит. Выпил горюшка до донца Псой. честнейшая душа...

А от бедного «Червонца» не осталось ни гроша... Как Митрошку, как Антошку, в городишке там и тут, злые мальчики «Червошку» Какакашкою зовут...

ПОВАДИЛСЯ КУВШИН.

ПОВАДИЛСЯ КУВШИН...

«Аткарский Укомунхоз постановил распустить пожарную команду и тем самым сократить расходы».

«Саратовский Губкоммунотдел распорядился сократить сухие деревья по городу».

«Сарат. Известия»

1.

На службе.

— Так!.. Все, что-ли? Пора и по домам бы,—шамать охота.

— Стойте, подумаем. Может, еще мосты сократить? Али телефонную станцию?.. Или, у меня вот еще идейка есть, — улиц у нас много. Не сократить-ли, а?

— Да, ведь, сколько жителей, столько и улиц. Как же без улиц-то?

— Ну, а если людей сократить?..

II

Дома

— Дарья, а Дарья!

— Ну, чего вам? Вот я.

— Обедать давай.

— Не подохнете. Не готов еще обед.

— Сокращаю вас, Дарья, за несвоеврем...

— Вчера сокращали, третьевдни сокращали. Тьфу! Жалованье-то платите по третьему разряду, да еще на два блюда готовь...

— ...енную подачу на стол супа ответственному работнику...

— Да вот вам и сказ мой ищите вы себе другую!

— Сокращаю еще раз за угрожающий тон при исполнении своих служебных обязанностей. А за вчерашний суп сокращаю еще на 50 процентов.

— А что-ж за суп-то?

— А то, что суп всегда должен быть лысый,—не то, что у вас.

— И ничего он лысый не был. Суп как суп.

— Врете. В супе не должно быть ни одного волоса, а у вас вчера в супе был целый валенок.

— Не иначе это, как кот «Васька» терся. Евонные это волоса.

— Сокращаю кота «Ваську» на 25 процентов.

— Дерется все с Маруськой, ну шерсть у них это и летит...

— Сокращаю «Маруську» на 30 процентов.

— Да что сокращать-то? Дверь надо починить, а то аны все со двора шляются...

— Кто все? Кто аны?

— Да «Трезорка» вот домкомов, «Шарик», «Амишка» спекулянтов из 17-го. Дверь надо...

— Сокращаю дверь на 10 процентов...

— Мне расчет пожалуйте: никакого терпения нету...

— Сокращаю терпение на...

— Тьфу!

— Сокращаю «тьфу!» на... Тьфу! Вы меня, Дарья, севсем зарапортовали. Давайте обед!

— Расчет пожалуйте!

— Обед давайте!

— Расчет пожалуйте!

— Как? Неповиновение распоряжениям?! Сокращаю вас на 200 проецнтов.

— Сызнова пошло!

— Сокращаю «сызнова» на 300 процентов...

— Да, уж слышала...

— Сокращаю «слышала» на 400...

— ... я эти сокращения-то...

— Сокращаю «сокращения» на 500...

— Вчера сокращали...

— «Кращали» сокращаю...

— ... седни сокращаете...

— «щаете» сокращаю на...

— ...и тады сокращали...

— ...«щали» сокращаю... Хрррр!..

— Ну, уснул!.. Замотался, сердешный! Тоже и ихнюю должность взять: и из умного человека фашиста сделают, как пить дать!

МОСКОВСКОЕ

(Рассказ об одном повешенном).

МОСКОВСКОЕ

(Рассказ об одном повешенном).

— Сам я живу в сарае по доброте дворника; жена на чердаке, где прачки вешают белье на предмет копчения; а сын имеет резиденцию между двумя поленницами.

Москва, — ничего не поделаешь. Жителей стало впятеро больше, а домов в десять раз меньше. Географическая пропорция.

Если и дальше так будет, то, вероятно, дома будут жить в людях... И правильно! Будя! Попили мы ихней кровушки!

* * *

Жена просунула голову в дверь.

— 12 червяков просят.

— Кто?

— Какой - то беспартийный. Со всеми удобствами. От центра всего 14 верст, через картошку.

— Комната или квартира?

— Цыгане хозяина увели, так помещение освободилось. Очень хвалят: хороший был пес.

— Отказать! Мелочи, мол, нет...
— А мне крупных дай: шесть гривен.
— Крупных нет. Всего гривенник!

Хлопнула дверью, ушла. Головушка сынка в дверь.

— Родитель! Рюпь можешь подкинуть?

— На какой предмет?

— После вчерашнего — малокровие на почве наследственной дегенерации.

— Тю-тю! Мать последнего гришку аннулировала.

— Мамашу господь послал!.. Эх!

— Митрофан! Почитай родителей, веди благонравственную жизнь... Вчера в трамвае ты вытащил кошелек с семью рублями. Поделился ли ты с отцом и матерью? Нет! Ты не поделился. Ты их один пропил! Митрофан, исправься!

— Партия не дозволила.

— Плюнь на партию.

— Плюнешь! А ты знаешь, как я ее просадил? Тринадцатый в лузе завяз,—Колька его ррраз, дуплетом восьмого—дддва, мне киксом по морде — трри, — пожалуйте денежки — четыре. Давай, родитель, рюпь, — пять!

— Нет!

— Ну, тогда я твое пальтишко конкретизирую. А ты дома посиди до лучших времен.

* * *

— Так жить нельзя! Ни квартиры, ни ден-знаков; семья вразброд. Будущего никакого. От кареты прошлого одна ось,—и та—хоть брось.

— Повешусь!

Достал из-под дворниковой кровати веревку, нацепил на крюк, поставил табурет.

— Погоди, погоди! Минуточку!

Гляжу из петли вниз: жена.

— Ты всамделе повеситься хочешь?

— А что это тебе? Кабарэ? Или правов не имею?

— Да я ничего. Теперь свобода: самоопределяйся. Только я о Митрошке беспокоюсь: отнимет он у меня все. Ты мне, пока жив, отдай пиджак, брюки и ботинки.

— Это... не жирно будет?

— Где ж жирно? Да тебе ведь и все равно,—на том свете форсить не для кого.

Разделся. Разулся. Полез снова.

— До свиданья!

Ушла.

* * *

— Родитель! Стой!

Сынка черти принесли. А сынок разного харчу принес.

— Вешаться или закусить?

— Ты серьезно повесишься?

— Да уж надо полагать.

— Ну, ладно, валяй. Только отдай мне рубашку и носки.

— На...

* * *

— Стойте, стойте, гражданин Клецкин!

Дворник, словно лама кровожадная, глазами сверкает.

— Никак этого невозможно. Вы хоша и не вполном теле, одначе, веревка и оборваться

может. Мне терять из своего достатку никакого резону нетути.

— Дозвольте раньше получить, а потом с господом.

— Бери корзину. В ней барахло разное, на полтинник наберется.

— И то. Я эту корзинку к куму отнесу, а то наследники явятся, суд да дело... До увиданья-с... Дай вам бог...

Не успел уйти,— окно настежь, и Митрошкина голова, а за Митрошкиной головой штук пятнадцать неизвестных голов. Разговор.

— Видите? Стоит на тубуретке и голова в петле.

— А и верно. Лысый, а самоубийствами занимается.

— Он у меня такой.

— А он вам кто приходится?

— Отец единоутробный. Беспартийный. И ехидный старичишка... А насчет веревки будьте безсумления. Как только крак, так сейчас я по куску каждому... Играете!..

— Запись тут на веревочные угрызения?
— Здесь. Здесь. Семь вершков—червяк, а если больше, то скидка.
— Мне поларшина, пожалуйста.
— Господин товарищ, сажень беру. Получи вперед, штоп без омману.
— Не могу дать без очереди, встаньте в хвост.
— Для какой причины народ собрамши?
— Веревку, который повесился.
— Тебе, бабушка, помирать, а ты насчет макао. Тут и без тебя нехватит.
— Товарищи! Граждане! Господа! Не напирайте, всем достанется. Родитель, скоро ты там? Публика ждет, нервничает!
— Раздумал я,—отвечаю из петли.
Побелел мой сынок.
— Ну это, говорит, мошенство! Свинья ты, а не отец! Никакой в тебе сыновьей любви нет. Одумайся! Прими во внимание: одежи у тебя нет, денег нет, квартиры нет, жена—ведьма, сын—мошенник. Подумай, родитель! Вспомни бога! Пожалей сынка!
Уговорил, собачий сын. Поправил я петлю, перекрестился—рраз!

* * *

Сначала из глаз искры посыпались. Потом по затылку словно кто пудового леща дал, а потом темнота. А разом за темнотой—кто-

го под микитки наподдал, потом по носу с'ездил, по скуле прокатился, да так будто и по черепу стукнул для апофеоза. И началось мое благожеланное загробное житие. Не то я в раю, не то поблизости. Слышу, словно во сне,—гармонь будто надрывается, кто-то пляшет и кто-то песню поет:

— Эх, шарабан мой американка,
А я девченка — да хулиганка...

А в общем такой гул стоит в раю, что хоть иконы выноси. Открыл я один глаз, глянул. Глянувши, удивился. А удивившись, выразился.

Жена сидит в переднем углу и «шарабана» поет. Митрофан гармонь терзает, а дворник кикапу пляшет.

А на столе колбаса, яичница, закусь и бутылки всевозможные. Веревки на мне нет, а лежу под столом, голова потрескивает, шею больно... Но, ничего: жить можно...

* * *

Сынок меня заметил, обрадовался.

— Папаша! — кричит: — Сорвамшись вас! А я на вас 470 рублей сделал. На-ка!

И подносит.

— С товарищеским приветом!—говорит.

— Все на производство!—отвечаю.

Поехало... И жена радуется, и дворник целоваться хочет.

— Теперь, говорят, заживем. Денег куры не клюют.

* * *

Ничего не поделаешь!.. Жить надо.

ДВАДЦАТЬ ДВА НЕСЧАСТЬЯ

ДВАДЦАТЬ ДВА НЕСЧАСТЬЯ

Начало несчастий моей жизни было при покойном Николае. Непокладистый он был человек, и разногласия у нас вышли. Жили мы тогда богомским кружком в Николаеве в «Николы, что на мокром месте». Народ все молодой, а денег нет.

— Но ничего! Завелись у нас потом деньги. Большие! Живем мы во-всю! Николай-то и обиделся. А, обидевшись, позавидовал. Позавидовал и посадил:

— Чьи у вас деньги?

— Николаевские!

— Не врите, кошкины дети!

— Сущая правда! Хоть на костер!!

И вот за то, что сущую правду ему говорили, за эту правду первый раз я здорово пострадал. Но Керенский меня выпустил.

— Ладно! Ну,—думаю,—теперь свобода, демократия, всеобщее, равное и тайное, и вообще. Но и эти начали зубы точить.

— Ты,—говорят,—большевик! Это я-то! Тихий, смирный человек! А тут Корнилов идет. Я к нему! Обласкал он меня, пригрел,

паспорт дал, но только насчет питания слабо было, так я обратно... Тут и закрутила меня политика! И там плохо, и тут нехорошо! И опять я за «правду пострадал». Напечатала она, будто я и то-то и то-то. Запичужили нас несколько в титы. Сидим, ждем, ляскаем.

— За что, мол?

— Без паспорта поймали.

— А ты за что?

— Паспорт фальшивый из волости прислали.

— А ты?

— Паспорт у меня настоящий, только я, говорят, не тот.

— А ты за что? — меня спрашивают.

— Я, — говорю, — не беспаспортный какой: у меня вот два паспорта и еще один есть, только ключ в новых брюках, а брюки в сундуке этим ключом заперты, — никак отпереть невозможно.

Так разве они разбираются! Три месяца клопов своей кровушкой кормил, поил, обувал, одевал... Но, тем не менее, — еду я в Тамбов за мукой, а для товарообману кокаин везу. А там Антонов — атаман. Наскочил на меня, спрашивает:

— Как читается символ веры?

— Я,—говорю, — по эс-эрскому паспорту жительство имею.

— Это, — говорит, — напрасно! У меня другой лозунг: «Земля и воля народу, казначейство—мне!»

Сто шомполов отрапортовал, но отпустил. Еду я за вышеизложенной мукой по Катеринославщине. Попадаются.

— Дрясти!

— Дрясти!

— Видкиля?

— Тай с Таньбову!

— Эге ж, добродию! А який у вас лозунг?

— Земля и воля народу, казначейство — мне!

— Ни, хлопчик! Це программа, дывысь, у антоновцев, а мы махновцы. «Земля народу, а воля и казначейство—нам». Оце яка наша платхворма!

Двести шомполов отсчитали. Аккуратный народ, без жульничества. Ровно!

— Вы, — говорят, — ще молоды, а теперички наш лозунг запомните, бо упереди богато махновцев шарпаеть.

— Верно! У Александровска встречают. Человек сорок.

— Паспорт есть? Какой партии?

— «Земля народу, а воля и казначейство вам!»

— Дудки! — говорят: — никакой земли народу не надо, все нам!

— А, вы, — спрашиваю, — не из махновцев будете?

— Нет, — говорят: — у нас программные разногласия. Мы Добрармия, а потому по доброму ложись и скидавай.

Не успел путем оправиться я, сижу с «дроздовцами» и прочими добровольцами в шашлычной на Темернике, большевики лезут.

— Кто такой?

— Такой-то, — говорю. — Пролетарского происхождения и даже в партию желаю вписаться.

А сам еле на ногах стою, за шкаф вездерживаюсь от сплошного пьянства.

За эту неустойчивость в Чеку посадили.

Три месяца! Ровно! Потом семь месяцев за дезертирство, да четыре за золото, да три за спирт! Беда! Понятно: гражданская война!

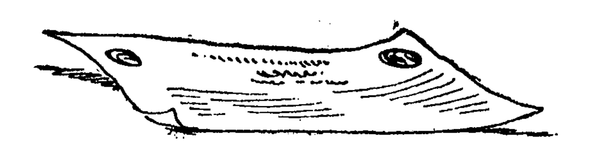
А тут НЭП! Вздохнул я полными жабрами. Теперь, — думаю, — отдохну и за честную работу возьмусь! Спекульнул вот на Сушке кое-чем, достал за последнее домашнее барахло триста семьдесят рублев, комнатку снял, инструментов разных купил,—бостонку, вот, камень, красок, бумаги... Сижу, работаю. Хорошо выходит!!! Прямо душа радуется! Сижу и печатаю... Всю краску и бумагу стравил, три дня не ел: истратил-же все на производство, не пил, не спал, а вчера выхожу купить колбасы на свеженькие, — не берут!!!

— Не подходит, — говорят, — не всамделишная!

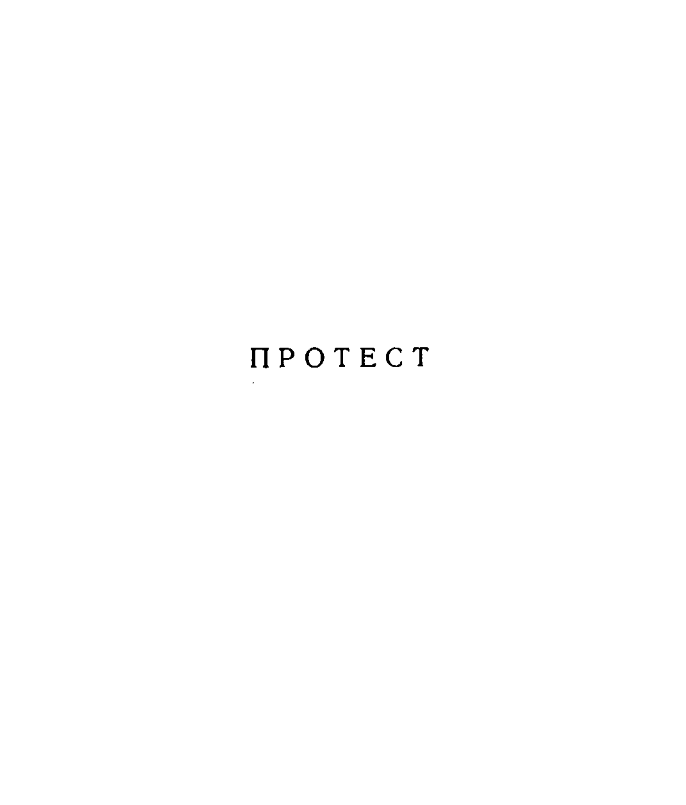
— Как?!

— Так! Оно, может, и лучше настоящей, только вместо «Рысыфысыры» надоть было «Сысысыры».

Кинулся я к себе, хватаю оригинал, и в обморок: с фальшивого червяка самые настоящие пять дней печатал.

ПРОТЕСТ

ПРОТЕСТ

— Конечно, я больше из Рабиса, — изображаю народ на спектаклях, но эти безобразия нам надо изжить.

К кодексу вполне присоединяюсь, но прошу сделать пункты, а то все будет по-старому.

Вчера подхожу к столовой на Кабанихином проулке, гляжу,—на афише напечатано:

Обеды от 1 до 6.

С этим надо в первую голову бороться. Рабочему человеку нельзя за обедом пять часов пыхтеть: мы не элементы.

И на первое были обозначены ленивые щи.

Не довольно ли нам прогулов и отгулов, чтобы еще поддаваться ленивой агитации?

И в смысле контр-революции тоже.

Подавал товарищ, хотя в красном платочке, но фартучек с уклоном и ботинки фасон «отрыв от масс»; а когда я уткнул нос в прейскурант.

Действительно, если князю Пожарскому поставили памятник, то единственно по старости лет, как известному археологу, а Скобелев был генерал и угнетатель.

На второе — министров теперь нигде нет и не надо, а Оливье был, да весь вышел, и его «Эрмитаж» теперь «Дом Крестьянина».

Царской ухи я есть не желаю, потому что состою в профсоюзе и вообще довольно попили, временно можно и перестать.

Лапши монастырской я тоже не желаю, довольно затемнения желудка и мозгов опиумом, а кто был граф Строганов тоже известно.

Пускай в Антанте свои бефы ест вместе с кардиналами папы римского, а мы и со штей не помрем.

Насчет тараканов надо тоже пункт.

Им ровно нечего делать в штях, пускай живут в своей федерации за печкой, а в чужие дела не вмешиваются.

В рассуждении кошек я тоже протестую.

Кошки созданы для ловли насекомых: мышей и мышат, а из нее делают антрекот.

Нельзя залезать в чужой профсоюз...

Трофим Ликмахеров.

БЕЗ ПОЛИТИКИ

БЕЗ ПОЛИТИКИ

Сидели в Моссельпроме густой компанией.

Примадонна Заливай-Римская вспоминала.

— Меня однажды вызывали в Милане. Ужас! Феерия! Правда, я была в ударе. Начали вызывать с первого. Кончилась опера, — уже час, а все вызывают... Два часа, три, четыре... Уже открыли магазины, зазвонили к обедням, «Самолет» уже отошел от пристани, а меня все вызывают. Я упала в обморок... Мне поднесли двадцать два миллиарда.

— В знаках 22 года? — спросил комик.

— Золотом! Это же было до войны...

— Меня однажды тоже... Вспомнить страшно, — вступил Гайда - Тройский. — Играл я «Гамлета» в Александринке. Со мной Костя Варламов, Володя Давыдов, Коля Ходотов, Юрьев Юрочка, Пров Садовский, Савина, Мария Гавриловна. Вот и начали меня вызывать. Шесть дней вызывали. Хлопают, хлопают, сходят домой, пообедают, снова в театр, — и опять хлопают... А я не етчи, не

питчи, шесть дней у рампы стою и кланяюсь... Какой был энтузиазм молодежи. Половину университета замертво отвезли в Обуховскую: вместо ладоней у них были куски окровавленного мяса.

— На манер отбивных котлет? — задумался комик.

— Именно! 4 бестужевки от голода чуть не умерли: далеко было домой идти. Уж потом градоначальник Драчевский догадался пожарную команду вызвать. Разогнали публику и меня домой на автомобиле отвезли.

— Меня тоже неоднократно вызывали! — сладко прищурился, комик.

— Публика? — недоверчиво спросили с трех сторон.

— Да, и публике приходилось. Раз в Симбирске гимназистка на улицу вызывала

и уксусной кислотой из бутылки... Катастрофа! Раз еще вызывал портной. На углу (в Симферополе было) Мсковской и Салгирной, и давай охаживать зонтиком. Много раз вызывали... Есть чем вспомнить. Раз даже на дуэль вызывали. Я согласился, но того... залил немного. Утром будят, — я не слышу. Вызывали, вызывали, а я нырк под кровать, так и не вышел. Всего было...

Трагик сердито выпил пива.

— И меня много раз вызывали. Помню, в Вологде вызывают: — «Три рубля штрафу по 38 статье!» — «За что?» — «Бесчинство в публичном скоплении публики». — «Извольте-с!»... В Темрюке тоже. Повесткой. Не являюсь. Бац! Околодочный! «Пять рублей по заочному решению»... — «За что-с?» — «Появление в нетрезвом состоянии по 41-й в публичном скоплении публики»... Извольте! В Семипалатинске по 39 вызывали. Три дня сидел в клоповнике. Уж не помню, за что: не то я Гламу-Далай-Ламского бил, не то он меня. Обоих вызывали.

— Меня вчера вызывали! — механически заявил антрепренер Укуси-Епишкин.

— Публика? — оживился весь столик.

— В «Рабис» вызывали. Нарушение кодекса труда. Поднесли...

— Подарок?

— Нет, подарка не подносили. Штраф в пользу безработных... Отдавать нужно...

Все замолчали, погруженные в воспоминания. В кафе влетел запыхавшийся режиссер и подпорхнул к столику.

— Друг! Вызволи! — заломил он руки перед антрепренером.

— Кто вызывал?.. За что?..—снова оживились все.

— На беспризорных «вызвали», будь они сто раз прокляты... А у меня ни сантима, ни сантиметра... Вызволи, братцы!

— Да кто вызвал-то?..

— Никто не вызывал, — вы меня вызволите... К вашим чувствам взываю! Братцы, али я!.. Господи!..

Все замолчали. И молчали очень долго, до тех пор, пока антрепренера не вызвали дела, примадонну к телефону, а остальных—к другим столикам...

Режиссер сидел один и мрачно тянул пиво...

ПЛАКАТЫ

> В Сызранском УЗУ на входной двери лозунг:
> — «Коли дело есть — смело можешь лезть».

Несомненно, увлечение краткими, но строгими плакатами, в роде «без доклада не входить», «время деньги», «вытирайте ноги», и т. п., проходит.

Самоснабжение, хозрасчет, снижение цен, конкуренция и иные жупелы диктуют более нежное, деликатное обращение, галантерейность и другие фрикасе.

Предлагаем несколько готовых плакатов:

На двери директора:

— «И за делом и без дела шпарь, товарищ, обалдело!»

На двери помзава:

— «Тут сидят чины постарше: обратитесь к секретарше!»

На двери ответ. секретарши:

— «Петя, я ушла в киношку. Принимайте понемножку!»

Над входом к машинисткам:

— «В эту комнату не при, — мы вас очень же ву при!»

У кассы:

— «Не отсвечивай у кассы: ты один, а прочих массы».

В справочном отделе:

— «Просим граждан с нежной лаской: справку взял, катись колбаской!»

В месткоме:

— «Задарма не проедайся, об'яснил, и убирайся!»

У швейцара:

— «Просят на пол не плевать и окурков не бросать!»

У уборщицы:

— «Посетителев хороших просим шлендать без калошев!»

У дворника:

— «Останавливацца строго воспрыщяецца, потому за ето полагаецца!»

ФИЗИЛОГИЧЕСКАЯ ПОТРЕБНОСТЬ

ФИЗИЛОГИЧЕСКАЯ ПОТРЕБНОСТЬ

— Теперь лафа на чугунках ездить: лежешь внизу, аль наверху, чисто американский граф, — и едешь. Хочешь туда, хочешь сюда. Тепло, просторно и мух нет. Хочешь поешь, хочешь чаю попей, — никакого запрету. И ежели физилогическая потребность — то пожалуйте: сколько вам угодно. А не через людей, как в 18 году. Помню раз насчет этого со мной было... С'ел это я...

— Ишь... Не нравится мой разговор эфтоей барышне: — ушла... А что я сказал? Ничего! Физилогическая потребность — она, я вам скажу, такое дело, что будь ты сама индейская царица Клиопатра, — и то...

— Вот. Покурил, чайку попил, бутерброд с'ел, — физилогическая потребность в полной мере, как дома. Человек я, допустим, не высшего образования и педагогической анатомии не проходил, но физилогическую функцию могу насквозь, и даже вам расскажу из своей практики.

— Вот... Станцию «Сквернавку» знаете? Сейчас мы ее проехали. Вот, у нас в «Сквернавке» завсегда Тепео есть. Как и у прочих народов.

— Покупателей в ней не так, чтобы много, но не без того. Есть. А потому и штат, можно сказать, без ваканций. И у каждой видимой служебной личности физилогическая потребность, будь ты американская императрица Клиопатра, аль бо рассыльный из казармы имени товарища Дзержинского. Но, тем не

менее, для физиологической потребности помещения в этой Тепее не имеется: где хочешь.

— Ладно! Но, тем не менее, через шасе имется обширная пивная. Публики в ней не так, чтобы очень, но помещение для физилогической потребности даже больше, чем требуется, на 12 персон, без различия вероисповеданий и обоего пола...

— Ладно! Приказчик Сергунька первым делом это дело раскумекал, и летит. А за ним Саша, которая в кассиршах. Очень хорошо!

— Приходят и рассказывают: «Чисто Афон гора святая. Тепло, светло, и мух нет,— а канфорту хушь отбавляй. И на стенке разная стенсграфия в рифмах, на манер Пушкина». Перпендикулярно: тут тебе и физилогическая потребность, и просвещение мозгам.

— Очень хорошо! За Сашей, которая кассирша, полетел местком, за месткомом — продавщица Стеша, — и пошло. Оно, конечно, торговли у нас в этот день мало было, но пивник сделал декларацию держателей бумаг во Франции, примерно:

— «У вас физилогическая потребность, чтобы насчет, а мне своего терять нет никакого резону. Присаживайтесь к столику и будьте без сумления, я ничего не имею».

— Хорошо! Прошла таким манером неделя,

и обнаружился результат: в Тепее торговля на рюпь сорок, а в пивной, где физилогическая потребность, на семь червей. Оно завсегда оправдается — будь ты хоть американская цари... Ну, да...

— Вот!.. Утром это открывается наша Тепея, а приказчик к заведывающему:

— «Дозвольте, Иван Петрович, через шасе сбегать по причине физилогической потребности».

— «Катись. Только недолго».

— «Момент».

А сам к машинистке:

— «Лидия Панталоновна, идемте за компанию физилогической потребности.

— «Ах, как вам не стыдно. Но, тем не менее, пойдемте».

Ладно, Идут. Занимаются физилогическими потребностями, а через полчаса кассирша:

— «Сережа (это приказчик тоже), как у меня физилогическая потребность, то проводите меня через шасе».

— Идут... А пивная она вещь такая, чем больше потребляешь, тем больше потребностей. Летит туда и зав, за ним следом — помзав, а потом бухгалтер, и опять у нас в кассе, примерно, два четырнадцать, а Сидорчук, пивник, похваляется.

— «Хочу корову купить».

Придешь в Тепее, пусто.

— «Где они?»

— «Как у нас не имеется упомещения для физилогических потребностей, то все персоналы через шасе».

Иной раз даже и в Тепею не приходят. Там сидят. Как полчаса или час, так обязательно кавалерийский разговор:

— «Лидия Панталоновна, не угодно ли вам по физилогической потребности пройтиться?»...

— «Сережа, у меня живот болит...».

Действительно, пивник купил корову, но, тем не менее сторговал и дом.

А у нашей Тепее все расстройство смерти и живота, — и все бесперечь бегают через шасе.

Думает наш зав.:

— «Прикончу!.. Так больше нельзя. Эдак они пробегают всю коперацию, а я отвечай».

Ладно. И вот однажды собрание. Сошлись все персоналы, сели. Сидят. Вылазит это местком и возговорил нижеследующие слова:

— Товарищи! Физилогическая потребность есть и у зайца и у американской императрицы Клиопатры, и я ничего не имею, но ежели эта физилогическая потребность — бесперечь весь день, то нам грозит дотация. Давайте устроим общую уборную при Тепее станции «Скверпавка» и будем пользоваться ею не до помрачения мозга, а по мере физилогической потребности. Кто «за» — поднимите руки...

Очень хорошо! Поднял он руку, сосчитал ею и записал: — одна рука «за».

— «Кто против — поднимите руки!»

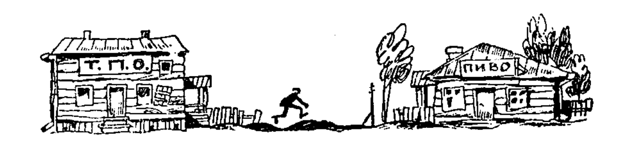
Подняли 12 человек 14 рук, он пересчитал и записал: «14 против».

— «А за сим, — говорит, — считаю собрание закрытым, и можете идти».

Но тут случилось общее расстройство организма, — и все моментально пошли скорым шагом через шасе.

А впереди всех бежал зав, а за ним местком.

Вот оно, что бывает. А барыньки стесняются и убегают: несознательность!

ТРУБА АНТИХРИСТОВА

(Письмо в редакцию).

Товарищ редактор!

Конечно, я человек ликвидированный и могу любое прошение, а ежели политграмоту не проходил, то все равно, как будучи щикатур, в союзе стою и членские по май.

Сколь однако не читаю газеты, нет моего согласия и я не согласен. И вы занапрасну задаетесь, — и даже лекции с туманными фильмами в клубе, будто бога нет, — а как ето соразмерить?

Пример доказывает со слов отца Егора, который очень фиксированно говорил из писания и лозунги по евангелью, — и есть все остальное безбожная врань.

— «Возглаголит труба антихристова, и все живые и мертвые предстанут на страшный нарсуд», — и действительно господь распорядится, кому изоляция, кому спец-ставка: будьте благонадежны!

Отец Егор говорил: «Возглаголит труба» — а ето что? В тую пятницу сам видал, как три спеца МОГЭСА в коже приехали на автомо-

биле и при мне на самой площаде у Моссовета антихристову трубу гарнизовали в два счета.

И как мы живем в бывшем Дрездене, супроть Моссовета, то труба антихристова в подвал сплошь все сутки, хоть уши затыкай ваткой из пальто, а которые уж зафиксированы и в лапах Вельзевульих.

Перво наперво покорился антихристу под нози совработник, гражданин Машухин. Супруга его, допустим, к храму божьему привержены, Лидия Павловна, — и к нам забегает. А на самой лица нет, волосы скрозь не фиксированы и голосом плачет:

— Пропала моя голова!

Мы, конечно, с бабами ей разное, но тем не менее — какая сила антихриста! покорил под нози!

Утром вскочит, глаза бегают и моментально к окошку (а окошко у их в третьем этаже на Моссовет выходит). Подлетает к окошку и уши на подоконник: — началось! И моментально спинжак, брюки, писне и порфель и к трубе. А она ревет разное непотребное: В Болгарии, Феодосии, Малой Кашире и прочим антантам насчет убиения рабкоров и саранчи, закрытия заводов и неурожайных местностей. А ен, Машухин, ейный муж, стоит и рот до ушей иключительно. И обедать не ходит, насыщается сатанинскими звуками трубы ерихонской. А опосля того начинается

всамделишний бсовский соблазн: которые диаволы поют, которые играют на бандурах, которые на разных языках пляшут. И даже цены базарные сказывают работники искусства, которое по пивным от пьянства народонаселение отвлекает путем развлечения. А он уши кладет соседу на плечи и так погибает до темени. А потом приходит домой в Дрезден и насчет шамовки. Но ежели было семь выговоров через местком, почему сплошь у трубы, а не на месте, то в смысле шамовки выходит восемнадцатый год.

И ежели, господин товарищ-редактор, не веришь, то приди. В номер 194, у подвале, в окно поскреби, мы выдем и покажем: стоит фонарь, а в фонаре она и есть.

И скрозь сю площадь народу невпроворот — сплошь слуги Вельзевуловы и никто не остановит. Отец Егор хотел, но ему сказал милиционер: — Насчет сатаны ничего неизвестно, а ето — радия.

Конечно, по ихнему может и радия, а по христову — исчадия, почему просим дать ответ:

— Ежели антихрист возгласил, и страшный суд вскорости, то так с подоходным и за землю, что в Касимовском уезде, село Тресвятское?

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Новый быт	5
Повадился кувшин	15
Московское	21
Двадцать два несчастья	31
Протест	39
Без политики	43
Плакаты	49
Физилогическая потребность	53
Труба Антихристова	61

